УДК 332.14

Рензин Олег Маркович – канд. экон. наук, заместитель директора Института экономических исследований ДВО РАН, профессор кафедры финансов и кредита ГОУ ВПО «Дальневосточная академия государственной службы» (г. Хабаровск). E-mail: renzin@ecrin.ru

O.M. Renzin

Institutional paradigms and the regional scientific study

The article describes the evolution of approaches to the scientific study of regional processes in the post-socialist Russia, methodological problems that affect the efficiency of the regional policy is identified, proposals on the use of institutional theory in the spatial studies is formulated.

Keywords: regional economics, regional policy, institutional theory.

Институциональные парадигмы и региональные исследования[1]

В статье рассматривается эволюция подходов к научному изучению региональных процессов в России в постсоциалистический период, выделены проблемы методологического характера, оказывающие влияние на эффективность региональной политики, сформулированы предложения по использованию в пространственных исследованиях институциональной теории.

Ключевые слова: региональная экономика, региональная политика, институциональная теория.

Проблемы в сегменте научных исследований пространственной организации общества, особенно в той его части, которая носит название «Региональная экономика», становятся все более заметными. Они проявляются и в «похолодании» отношений исследовательских организаций и властей и в ослаблении контактов между наукой и хозяйственной практикой (как государственной, так и частной). Это является следствием взаимной неудовлетворенности имеющимися способами и механизмами решения прикладных задач территориального развития, прогнозирования региональных хозяйственных процессов, разработки и реализации программ пространственной организации экономики.

На наш взгляд, происходящее закономерно. Усложнение системной организации социума, в особенности экономического блока, требует формирования соответствующего уровню возникающих задач научного

[1] Подготовлено при поддержке грантов РФФИ №09-06-00309 и ДВО РАН №09-1-ООН-02

инструментария, что не всегда происходит синхронно с появлением общественного спроса на исследовательскую продукцию. Особенно труден этот процесс для научной дисциплины «Региональная экономика», в которой теоретические выкладки, управленческие практики и реальные проекты тесно взаимосвязаны.

В России процесс обновления и эволюционной трансформации идей о пространственном развитии экономики, а затем и региональной политики, происходит регулярно [1]. В стране за последние 20 лет, как минимум, трижды принципиально изменялось отношение исследователей, властных структур и практиков-управленцев к осмыслению пространственных процессов. Это вело к формированию новых приоритетов в организации территориального развития общества и экономики и, в конечном итоге, к смене способов разрешения хозяйственных проблем с помощью методов региональной политики.

До 1990 года территориальное развитие было составной частью плановой организации экономики. В этом варианте народнохозяйственного регулирования параметры распределения экономических ресурсов в пространстве имели жесткий императивный характер, который опирался на систему расчетов ожидаемых региональных эффектов. Для этого была сформирована развернутая теоретическая и методическая база, дающая возможности научного обеспечения экономического районирования, создания территориально-производственных комплексов, оценки эффективности проектов и т. д.

Резкое изменение ситуации произошло в начале 1990-х гг., когда на пионерном этапе постсоциалистических преобразований любая активная экономическая политика государства, в том числе и пространственная, стала трактоваться как институциональная дискриминация рыночных агентов. При общем ожидании чудес от радикального рыночного реформаторства эта идеология легко воспринималась обществом. Более того, она считалась самой рациональной в условиях ухудшения финансово-ресурсной ситуации в стране, ужесточения бюджетных ограничений. Соответственно, и региональная политика воспринимались не как объективно необходимое сопровождение в пространстве экономических процессов, а, скорее, как политическое, социальное, психологическое обременение реформных действий, осуществляемых на отдельных территориях. В проводимой политике фактически игнорировалась объективность существования эффектов пространственной неоднородности, основанной на асимметрии распределения экономических ресурсов и различиях в величине получаемой ренты. Популярным было утверждение о наличии безусловных линейных причинно-следственных взаимосвязей между формированием рынков капитала и труда и «выравниванием» экономического потенциала территорий: «… здоровая рыночная интеграция предполагает усиление не только интегрированности (связности), но и однородности экономического пространства» [2]. Вера в автоматизм получения территориальных эффектов привела к выведению региональной политики за рамки обязательного

регулирования хозяйственной системы. Такая ситуация, как прогнозировали многие специалисты по проблемам территориального развития, неизбежно должна была привести к крайне негативным результатам. Что и было подтверждено развитием событий в экономике. Практические результаты этого периода были катастрофическими: поляризация региональных образований достигла значений, которые стали угрожать не только экономике, но и самому существованию страны. Это вызвало необходимость срочного «переформатирования» региональной политики.

Ее императивом в явном виде стало решение задачи о снижении территориальной дифференциации в развитии российских административных структур. Пространственная неоднородность была оценена обществом как угроза единству страны в политическом, социальном, экономическом аспектах. Официально была сформулирована задача подавления острых «территориальных диспропорций»: межрегиональной дифференциации уровня экономического развития и уровня жизни населения; несоответствия инфраструктурной обеспеченности территорий их потенциалу; депопуляции периферийных регионов при одновременной концентрации населения в столицах и центральных областях и т. д.

Желание придумать такую систему мероприятий, которая позволила бы ликвидировать чрезмерную дифференциацию, стало реальным мотивом для конструирования региональной экономической политики после 2000 года. Большую поддержку распространению такой идеологии оказало изменение социально-экономических условий развития: в стране улучшилась финансово-экономическая ситуация, и, соответственно, появилась реальная возможность для бюджетного финансирования государственных приоритетов в пространственной организации. Инструментарий для этого не отличался особой оригинальностью: осуществлялась адаптация и практическая реализация того, что уже давно использовалось в мире для территориального регулирования. Это были, во-первых, финансируемые федеральным бюджетом трансферты и льготы «отстающим» регионам на подтягивание показателей их развития; во-вторых, создание за счет финансовых и институциональных льгот, предоставляемых бизнесу, анклавов «опережающего роста», которые должны были стать «локомотивами» для сопредельных территорий.

Правда, при разработке этой концепции вне серьезного рассмотрения остался принципиальный вопрос как для науки, так и для управленческой практики: могут ли сложившиеся диспропорции вообще быть ликвидированы в случае активизации региональной экономической политики? Или, напротив, их существование есть объективный результат развития (в условиях используемой макроэкономической модели), и, соответственно, они будут постоянно воспроизводиться, т. е. при имеющемся инструментарии задача принципиально не имеет окончательного решения?

Вообще, трудно отрицать, что пространственная неоднородность объективно «вшита» в территориальную организацию экономической деятельности. Следовательно, дифференциация инвариантно существует (и

будет существовать) вне зависимости от проводимой региональной экономической политики. Однако это не означает, что пространственное выравнивание является ложной целью. Скорее, наоборот, оно необходимо. Но его осуществление следует рассматривать не как абсолютную задачу по устранению дифференциации территорий, а как механизм, купирующий их поляризацию, сглаживающий разброс значений социально-экономических параметров. Это означает, что в качестве объектов для воздействия инструментами региональной политики необходимо рассматривать не любую территориальную неоднородность социально-экономического развития, а неоднородность «критическую», которая после достижения пороговых значений действительно превращается в угрозу не только стабильности развития, но и целостности как политического, так и экономического пространства.

Десятилетний опыт реализации «выравнивающей» стратегии показал, что в такой схеме управления пространственным развитием есть принципиальная возможность для решений некоторых проблем, возникающих в поляризованной среде. Использование административных методов пространственного перераспределения ресурсов, идеология которых сформировалась и развивалась в советское время, позволило снимать остроту конфликтов территориального развития и в условиях рыночной экономики. Однако эта практика, сформировавшаяся на методологической основе науки «Региональная экономика», возникшей в 1970-е гг. под руководством академика Н. Некрасова [3], превратила изучение пространственных процессов и содержательно, и институционально в один из элементов административного регулирования хозяйственной жизни. При этом, направления проведения исследований о территории стали, скорее, политически необходимыми, чем научно-обоснованными [4].

Получили развитие и некоторые другие направления региональных экономических исследований, однако, методологически они, как правило, во многом были продолжением сложившихся подходов к компаративистике административно-территориальных структур. Из заметных попыток преодоления методологического тупика (в рамках экономических наук) можно отметить работы, в которых осуществлялось моделирование территориальных процессов, решение пространственных задач с использованием макроэкономических или микроэкономических алгоритмов (регион-квазигосударство и регион-квазифирма). Кроме того, следует отметить активность исследователей в близких к региональной экономике областях изучения пространственных процессов: экономической географии, социологии, демографии и т. д.

Однако, решая отдельные проблемы, такие подходы не способны эффективно работать в области стратегических задач, например, при формировании концептуальных ориентиров, необходимых для рациональной организации национального экономического пространства, для глубокого мониторинга пространственных процессов, выявления всего многообразия

дисбалансов, разработки и формирования механизмов, необходимых для проведения конструктивной региональной политики.

Очевидные недостатки современных методов учета специфики территориальных процессов, низкая результативность прогнозирования среднесрочного (а в ряде случаев – и краткосрочного) поведения экономических агентов на территориях, ограниченность бюджетных ресурсов для проведения политики регионального выравнивания определяют необходимость системных трансформаций в этой сфере. В настоящее время в России, по оценкам многих специалистов, начинается новый этап в формировании и развитии региональной политики. Важнейшим условием для ее разработки является применение новых исследовательских подходов, новой идеологии и новых методов развития экономической науки, ориентированной на изучение пространственных аспектов организации экономики и хозяйственного развития.

Предпосылки для создания такой теоретической базы формируются в настоящее время представителями разных направлений науки о территориальном развитии общества. В этой области существуют, как минимум, четыре крупных системы знаний: общая теория пространства (философия), экономическая, географическая и социологическая теории пространственной организации. Каждая из них имеет собственную аксиоматику, методологию, формат предоставления исследовательских результатов, поэтому включение их в совместную исследовательскую программу, получение комплексных результатов имеют ряд сложностей. Но необходимость этого существует. Это признают авторитетные экономисты, декларируя, что для совершенствования научного похода к развитию общества необходимо согласование макроэкономического мейнстрима (т. е. маржинальных рассуждений и логик) с «религиозными, культурными, психологическими характеристиками народа, с геополитическими реалиями» [5]. Об аналогичных междисциплинарных контактах как способе повышения эффективности научных исследований пишут многие специалисты-обществоведы [6].

Решение этого класса задач может быть осуществлено несколькими способами интеграции наук. Одним из наиболее эффективных в теоретическом и практическом аспектах, на наш взгляд, является использование институциональной методологии. Именно эта научная школа внесла в исследовательские программы экономистов представление об определенности (исторической, функциональной, организационной) сообществ, возникающих в составе макроэкономической системы, которая дала, по оценке специалистов, возможность преодоления «социальной и исторической стерильности традиционного макроанализа» [7]. Исходя из накопленного опыта, можно утверждать, что для исследований пространственных процессов становится все более привлекательным синтез различных общественных теорий на платформе институциональной парадигмы, позволяющей не только дать совместимое общее описание разнокачественных характеристик, но и проанализировать закономерности

развития каждой из региональных подсистем во взаимодействии с остальными.

Подход к исследованию территориальной экономической системы как общественного института (или, точнее, совокупности институтов) может быть успешно реализован при использовании разработанного академиком В.Л. Макаровым теоретического представления об институте как достаточно устойчивой коалиции первичных экономических агентов [8]. Исходя из этого, для описания пространственной динамики необходимо исследование не индивидуального, а группового поведения в экономике. Единица рассмотрения в этом случае – сообщество, т. е. целостная, устойчивая в пространстве и времени система взаимосвязанных элементов экономического поведения [9].

В рамках такой модели пространственная структура выглядит как совокупность, с одной стороны, внутренних взаимосвязей и отношений между элементами и, с другой – их общих взаимоотношений с окружающей средой. В этом случае система основных индикаторов развития региональных институтов принимает следующий вид. Она включает, прежде всего, численность элементов, локализованных в пространственных границах. С одной стороны, важно их абсолютное количество, которое является существенной характеристикой устойчивости института, поскольку в малоэлементных системах любые флуктуации имеют значительно более разрушительные последствия, чем в крупных. Последние, напротив, способны обеспечивать «… движение системы в направлении устойчивого самоподдерживающегося равновесия» [10]. С другой стороны, значимой характеристикой является сравнительная численность включенных элементов по отношению к другим институтам, т. е. доля описываемой общности в количестве анализируемых элементов, которая позволяет оценить межинституциональные пропорции.

Другой важной характеристикой территориального института является уровень прямых связей между агентами, входящими в коалицию, описываемый через их интенсивность и качество. Поддержание региона как устойчивого образования предполагает существование определенных механизмов циркуляции групповых ценностных установок (своеобразной «институциональной памяти»). Это осуществляется посредством коммуникаций между элементами группы, постоянного обмена сигналами о взаимности взятых обязательств. Рассмотрение и оценка качества сложившихся взаимосвязей между элементами системы, которые оцениваются по шкале «согласованные (взаимоприемлемые или взаимовыгодные) – рассогласованные (имеющие эгоистичный характер)», считаются важнейшей характеристикой существования и устойчивости системы [11]. Кроме того, для измерения институтов можно воспользоваться дополнительными характеристиками взаимодействия в системе. В этом качестве могут быть использованы такие показатели, как частота контактов между участниками института, длительность и регулярность взаимодействий и др.

Существенное влияние на характеристики институциональной организации региона оказывают наличие коммуникативной инфраструктуры и уровень ее развития. Регион как институт в качестве признака существования должен включать собственную систему передачи информации, необходимую для поддержания специфических взаимодействий. Оценки того, имеется ли системная организация коммуникационного взаимодействия, при каких условиях и с какими издержками происходит коллективное согласование интересов и решений на территории – могут служить надежными индикаторами перспектив институционального развития [12].

Разумеется, не все институциональные образования представляют собой пространственно определенные коалиции. Но даже в самой грубой – дихотомической – классификации, представленной В.Л. Макаровым, можно выделить две группы: одну составляют территориальные образования, включая регионы, другую – экстерриториальные институты [13]. С позиций определения объектов, которые формируют тренды территориального развития, именно первые представляют исследовательский интерес. Хотя, следует отметить, что и институты второго типа, несомненно, влияют на характеристики регионального развития, поскольку могут быть либо полностью, либо частично включены в состав регионов первого типа. Возникает интересная коллизия, когда в составе институтов будут взаимодействовать не только первичные экономические агенты, но и институты. В этом случае территориальное развитие может рассматриваться как система межинституциональных взаимодействий, приводящих к формированию новых коалиций или, напротив, к разрушению старых.

Такое описание принципиально позволяет выйти при исследовании пространственных процессов за рамки жесткой схемы административно-политического деления, позволяя получать дополнительные оценки территориального развития в рамках динамически изменяющихся границ. Выделение специальной группы пространственных образований, которая получила в литературе название «Нечеткие институты», позволяет частично разрешить коллизию, связанную с согласованием между динамичными процессами в функционале экономической системы и жесткой структурой районирования пространства [14]. Кроме того, появляется потенциальная возможность для целенаправленного формирования новых территориально локализованных институтов как способа эффективной организации пространства. Моделирование системных характеристик коалиций экономических агентов на территории позволит более надежно прогнозировать изменения в характеристиках их развития [15].

Институциональная теория позволяет сформулировать принципиально иной – полипространственный – подход к научному исследованию территориальных проблем по сравнению с доктриной единственного «социально-экономического» пространства, сложившейся в науке «Региональная экономика». Полипространственная концепция организации общественной жизни как альтернатива сложившимся подходам может быть

построена на большом числе сфер, каждая из которых формирует собственное пространство существования. Внутри этого пространства наблюдаются процессы организации и распадения взаимосвязей между элементарными единицами, в него входящими. Именно цепи таких взаимосвязей формируют, а затем и трансформируют общественную систему. При этом, такие взаимосвязи развиваются как в горизонтальном направлении (внутрипространственные), так и в вертикальном (межпространственные). Фактически речь идет о синтетическом пространстве, возникающем при наложении функциональных сегментов, и в рамках, определенных наложением границ, возникших в каждом из системных разрезов. В результате, появляется сложная трехмерная конфигурация, описание характеристик которой позволяет рассматривать различные варианты полифункциональных систем и прогнозировать их развитие.

Следует выделить ряд механизмов, определяющих характеристики процессов трансформаций в экономически доступном пространстве. Во-первых, вертикальное позиционирование, т. е. определение доминирующих и подчиненных институтов, формирование их иерархической структуры. Во-вторых, механизмы формирования границ, разделения, сегментации горизонтальных пространств между отдельными институциональными структурами. В-третьих, синтез частных институциональных пространств в относительно устойчивые институциональные структуры, имеющие как вертикальные, так и горизонтальные характеристики.

Таким образом, становится возможным преодоление в региональных исследованиях монопольно существующего административно-политического подхода, который, разумеется, не единственный и не универсальный. Его использование вполне оправданно в рамках тех процедур, которые описываются в терминах территориального планирования (распределения и перераспределения ресурсов для решения определенного круга экономических и социальных задач), однако, за его пределами остается большое число пространственных процессов. Напротив, институциональная методика позволяет не только расширить круг рассматриваемых проблем в территориальных системах, но и существенно улучшить потенциал для их диагностики и эффективного разрешения.

Литература и источники:

1. Минакир, П. А. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология / П. А. Минакир, А. Н. Демьяненко // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 6 – 32.

2. Гранберг, А. Экономическое пространство России: трансформации на рубеже веков и альтернативы будущего / А. Гранберг // Общество и экономика. – 1999. – № 3 – 4. – С. 229.

3. См.: Некрасов, Н. Н. Региональная экономика / Н. Н. Некрасов. – М. : Экономика. 1978.

4. Отметим, что и персонификация этой науки показывает тесную связь с властными структурами. Среди кандидатского и докторского корпуса по специальности «Региональная экономика» значительную часть составляют высокопоставленные чиновники, а один из них – В.И. Ишаев – даже смог получить звание академика Российской академии наук.

5. Волконский, В. А. О необходимости создания альтернативной экономической теории / В. А. Волконский // Экономическая наука современной России. – 2003. – № 4. – С. 133.

6. См. напр. Доманьский, Р. Экономическая география: динамический аспект / Р. Доманьский. – М. : Новый хронограф, 2010 ; Сухарев, О. С. Социальный вопрос: институты, инновации и экономическая политика / О. С. Сухарев. – М. : Экономическая литература, 2004.

7. Худокормов, А. Г. Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада / А. Г. Худокормов // Теоретическая экономика. Труды семинара. – М. : ИЭ РАН, 2009. – Кн. 3. – С. 189.

8. Макаров, В. Л. О математических моделях конкуренции между предприятиями / В. Л. Макаров // Экономическая наука современной России. – 2002. – № 1. – С. 5 – 9.

9. Рензин, О. М. Пространственная дифференциация институциональных условий развития национальной экономики / О. М. Рензин // Власть и управление на Востоке России. – 2009. – № 1. – С. 31 – 36.

10. Саймон, Г. Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. Саймон // THESIS. – Т. 1. – Вып. 3. – М., 1993. – С. 20.

11. Эта коллизия достаточно подробно рассмотрена в Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge. Belknap Press. 1990. В российской литературе активно используется в институциональных исследованиях см., напр. Олейник, А. Бизнес по понятиям: об институциональной модели российского капитализма / А. Олейник // Вопросы экономики. – 2001. – № 5. – С. 4 – 25.

12. Подробно эти проблемы рассматривались в Marschak J., Radner R. Economic Theory of Teams. New Haven. – London: Yale University Press, 1972.

13. Макаров, В. Л. Исчисление институтов / В. Л. Макаров // Экономика и математические методы. – 2003. – Том. 39. – № 2. – С. 14 – 32.

14. Балацкий, Е. Нечеткие институты, культура населения и институциональная энтропия / Е. Балацкий // Общество и экономика. – 2007. – № 5 – 6. – С. 37 – 53.

15. Тамбовцев, В. Теоретические вопросы институционального проектирования / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 1997. – № 3. – С. 82 – 94.